

Особенности эмоционального интеллекта и психического состояния у участников молодежного форума с различным уровнем социальной тревоги

П.А. Байгужин^{1✉}, Т.Н. Третьякова¹, С.Г. Нехорошева², И.А. Горбунова¹

¹ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

² Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия

✉ baiguzhinpa@susu.ru

Аннотация

Обоснование. Среди факторов результативности молодежных мероприятий не только стоимость, доступность и безопасность, но и особенности целевой аудитории, определяющей эмоциональный фон мероприятия и активность коммуникации. **Цель:** выявить особенности эмоционального интеллекта и психического состояния у участников молодежного форума с различным уровнем социальной тревоги. **Материалы и методы.** Проведена психодиагностика 72 участников (59 женщин и 13 мужчин) окружного форума «Студтуризм УФО-2024» (возраст $33,1 \pm 10,2$ года). Использованы опросник социальной тревоги и социофобии, краткая версия опросника ЭМИн, методика «Оценка психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности». Значения шкалы «Социальная тревога в ситуации «быть в центре внимания, под наблюдением» являлись основанием дифференциации респондентов на группы (средний, повышенный, высокий уровень выраженности социальной тревоги). Определялись критерии Шапиро – Уилка, Краскелла – Уоллиса, Манна – Уитни. Применен корреляционный анализ по Спирмену. **Результаты.** Межличностный ЭМИн у лиц со средним уровнем социальной тревоги детерминирован отрицательными взаимосвязями с параметрами постситуативной руминации, эмоционального тонуса, интереса и избегания контакта. В группе лиц с повышенным уровнем социальной тревоги эмоциональный интеллект характеризуется как межличностным («Управление чужими эмоциями»), так и внутриличностным его компонентом («Понимание своих эмоций»), связанным преимущественно с социальной тревогой, вызванной избеганием непосредственного контакта с коммуникантами. В группе лиц с высоким уровнем социальной тревоги выявлены взаимосвязи социальной тревоги с обоими компонентами эмоционального интеллекта (внутри- и межличностного). Сдерживание эмоций и постситуативные руминации связаны с внутриличностным эмоциональным интеллектом. Ведущим видом является тревога, возникающая при проявлении инициативы, повлекшая страх критики в свой адрес и потерю субъективного контроля. Последнюю отягчают (усугубляют) положительные взаимосвязи с параметрами, характеризующими оперативное психическое состояние: интересом, эмоциональным тонусом, комфортностью. **Заключение.** Актуализируется направление исследований по разработке и внедрению технологии профилактики и снижения социальной тревоги на неклинических выборках обследуемых лиц с высоким уровнем проявления профессионального интереса.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, социальная тревога, участники молодежного форума, интерес, эмоциональный тонус, корреляционный анализ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Особенности эмоционального интеллекта и психического состояния у участников молодежного форума с различным уровнем социальной тревоги / П.А. Байгужин, Т.Н. Третьякова, С.Г. Нехорошева, И.А. Горбунова // Психология. Психофизиология. 2024. Т. 17, № 4. С. 18–33. DOI: 10.14529/jpps240402

Original article
DOI: 10.14529/jpps240402

Relationships between emotional intelligence and mental state in youth forum participants with different levels of social anxiety

P.A. Baiguzhin¹✉, T.N. Tretiakova¹, S.G. Nehorosheva², I.A. Gorbunova¹

¹ South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

² Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

✉ baiguzhinpa@susu.ru

Abstract

Introduction. Cost, ease of access, security measures, and the target audience determine successful events. Furthermore, this latter factor significantly influences the overall atmosphere and the nature of interactions. **Aim:** to identify the relationship between emotional intelligence and mental state in youth forum participants categorized by levels of social anxiety. **Materials and methods.** The sample consisted of 72 participants (59 females, 13 males) aged 33.1 ± 10.2 years attending the “Student Tourism UFA-2024” forum. The study promotes a mixed-methods approach, combining three primary assessment tools: the social anxiety and social phobia questionnaire, the EmIn questionnaire (short form), and the assessment of mental activation, interest, emotional tone, stress, and comfort methodology. Respondents were allocated into groups based on their scores on the “Social anxiety in situations involving being the center of attention” scale (medium, elevated, high severity). Statistical tests, including Shapiro–Wilk, Kruskal–Wallis, and Mann–Whitney, were conducted. Spearman's rank-order correlation analysis was applied. **Results.** Interpersonal emotional intelligence in individuals with average social anxiety levels shows negative correlations with rumination, emotional tone, interest, and contact avoidance. For individuals with increased social anxiety, emotional intelligence encompasses both interpersonal (managing others' emotions) and intrapersonal (understanding one's emotions) components, associated mainly with social anxiety caused by contact avoidance. In the high social anxiety group, significant relationships between social anxiety and both EmIn components (intrapersonal and interpersonal) were observed. Emotion restraint and post-situational rumination are associated with intrapersonal emotional intelligence. Initiating action, resulting in fear of criticism and loss of personal control, is the predominant type of anxiety. This anxiety is exacerbated by positive correlations with parameters representing current mental state, including interest, emotional tone, and comfort. **Conclusion.** This study contributes to EI-based technologies targeting social anxiety in non-clinical populations.

Keywords: emotional intelligence, social anxiety, youth forum participants, interest, emotional tone, correlation analysis.

The authors declare no conflict of interest.

For citation: Baiguzhin P.A., Tretiakova T.N., Nehorosheva S.G., Gorbunova I.A. Relationships between emotional intelligence and mental state in youth forum participants with different levels of social anxiety. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya = Psychology. Psychophysiology.* 2024;17(4):18–33. (in Russ.) DOI: 10.14529/jpps240402

Введение

В условиях реализации национальных проектов России, направленных на развитие общественных инициатив молодежи, молодежные форумы становятся полномасштабными площадками реализации акселерационных образовательных программ, организации исследований в сфере образования и воспитания молодежи, распространения опыта работы с молодежью, установления деловых связей между учебными заведениями различного уровня, их научными школами и исследователями [1], в том числе формирования соответствующих профессионально значимых навы-

ков, компетенций для работы с молодежью [2]. Разнообразие форматов современных молодежных форумов способствует увеличению частоты коммуникаций представителей различных молодежных движений и объединений и активизации научных исследований в молодежной среде.

В отличие от других видов массовых выступлений, молодежные форумы имеют специфические признаки, детерминируемые целевой установкой молодежных мероприятий и социально-психологическими характеристиками участников. Решение об участии в молодежных форумах основывается на ряде фак-

торов, среди которых ведущими являются стоимость, доступность, целенаправленность и безопасность. Однако качественная сторона участия в молодежных форумах в роли участника (не спикера и не организатора) определяется форматом и содержанием мероприятия, тематикой и ожиданием повышения уровня профессиональной подготовленности. В основе результативности любого форума лежит взаимодействие участников с использованием различных средств и техник коммуникации. Эффективность последней определяется проявлением мотивационной и эмоционально-аффективной сфер личности участника, в частности уровнем его социальной тревоги и эмоционального интеллекта.

Обзор литературы

В современной литературе достаточно подробно рассмотрен психологический «портрет» спикера, лектора или докладчика, публично выступающего, например, с презентацией результатов исследования [3, 4]. Представлены результаты исследования зависимости социальной тревоги у выступающих в зависимости от их половой принадлежности [5], социально-психологических характеристик [6, 7]. Описаны варианты типизации выступающих [8], разработаны и применяются психодиагностический инструментарий выявления и оценки социальной тревоги и тревожности [8, 9]. Тревожность публичных выступлений (PSA) определяется как «сильный стресс при выступлении перед аудиторией, вызывающий ухудшение возможностей работы и социальных отношений». Нежелательные поведение аудитории и качество обратной связи являются причинами формирования тревожности публичных выступлений [10] и в дальнейшем детерминируют особенности межличностных взаимодействий, купируя развитие коммуникативных навыков [11].

Обращаем внимание читателя на то, что в обзоре и далее анализируются результаты исследований, полученные на неклинической выборке обследованных лиц, респондентов.

Более десяти последних лет активно используется воздействие различных сценариев купирования тревожности с применением виртуальной реальности [10, 12]. Описаны результаты внедрения технологий по снижению тревожности во время публичных выступлений [13], в том числе инновационных. Так, например, находящийся в аудитории вирту-

альный агент – Friendly Face, сканируя поведение выступающего во время устной презентации, оказывает ему эмоциональную и инструментальную поддержку¹.

Практически отсутствуют исследования социальной тревоги и тревожности у основной массы участников такого вида массового мероприятия, как молодежный форум, – у его слушателей. Известно, что слушатели – это целевая аудитория часто с однородными социально-демографическими характеристиками (языком, возрастно-половым цензом, квалификацией и специализацией, стажем и профессиональной мотивацией, выраженной в востребованности и заинтересованности в информации). Являясь, как правило, «движущей силой» коммуникативного взаимодействия, слушатели определяют ход и результат (в том числе в виде резолюции), а значит, и эффективность проведения научной конференции (форума, конвенции и т. п.). Результаты оценивания спикера (докладчика): его самопрезентации и качества предъявляемой информации, слушатель инициирует коммуникацию, особенности которой зависят от психологических характеристик слушателя, в том числе от уровня его социальной тревоги, эмоционального интеллекта, текущего психического состояния.

Далее представлен обзор результатов исследования факторов – причин возникновения социальной тревоги и вызывающих соответствующую тревожность применительно к социальной роли слушателя – участника молодежного форума.

Одной из ведущих причин индуцирования и развития социальной тревожности является негативный образ себя [13], сформированный ранее в результате каскада «порочного круга тревоги» [14] в условиях не(благо)приятных обстоятельств социально значимой ситуации [15]. В механизме проявления социальной тревожности дифференцируют чувство нервозности при ожидании и произнесении речи [16], т. е. формулирование (проговаривание)

¹ Murali P., Trinh H., Ring L., Bickmore T. A Friendly Face in the Crowd: Reducing Public Speaking Anxiety with an Emotional Support Agent in the Audience. In Proceedings of the 21st ACM International Conference on Intelligent Virtual Agents (IVA '21). Association for Computing Machinery, New York, USA. 2021. P. 156–163. URL: <https://doi.org/10.1145/3472306.3478364>

вопроса, и его декларация сопровождается различной степенью проявления тревоги.

Социальная тревожность связана с эмоциональной дезадаптацией и качеством интерперсональных отношений [17, 18], по результатам фМРТ-исследования имеет нейронное представительство [19] и рассматривается как форма антивитального поведения². Текущие теоретические модели предсказывают отрицательную связь между социальной тревожностью и результатами социального познания [20]. Даже невежливость рассматривается как предиктор социальной тревожности [21] и опосредованно снижает вовлеченность в работу [22].

Хотя типичной реакцией лиц с высокой социальной тревожностью в социально значимой ситуации является избегание [17, 23], имеются доказательства о том, как социальная тревожность модулирует аффективные эмоциональные состояния, в частности вербальную агрессию, угрозу [24]. Исключая генез конфликта в рамках относительно жесткого регламента коммуницирования на конференции, «столкновение интересов» – достаточно частое явление данного вида социального взаимодействия. Модель социальной тревожности С.Г. Хофмана [25] косвенно указывает на высокую вероятность генерации межличностного стресса у лиц с высокой социальной тревожностью [26].

Однако участники молодежного форума – это, как правило, заинтересованная аудитория, и слушатели с высокой социальной тревогой, преодолевая известные трудности, платят достаточно высокую «цену» социальной адаптации. С этих позиций актуальной является разработанная в рамках динамической теории эмоций³ А.А. Горбатковым (2007) модель «интереса-тревоги», в которой динамичность позитивной и негативной эмоций про-

² Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Корнева А.А. Нарушение когнитивной регуляции эмоций и поведения в ситуациях персонального оценивания при социальной тревоге как форма антивитального поведения // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования: сб. науч. статей междунар. конф. (20–24 октября 2015 г.). – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2015. С. 2124–2126.

³ Юматов Е.А. Динамическая теория эмоций // Матер. XXIII съезда Физиологического общества им. И.П. Павлова с междунар. участием (18–22 сентября 2017 г.). Воронеж: Изд-во Истоки, 2017. С. 1140–1142.

является по мере изменения параметров деятельности [27]. Однако подавление нежелательного эмоционального поведения (переживания как проявления социальной тревоги) приводит к усилению субъективного переживания этой эмоции [28].

На основании краткого анализа результатов исследования социальной тревожности у представителей научной общественности актуализирован психологический портрет лиц с высоким уровнем социальной тревожности. Профессиональный интерес, опыт и квалификация участников (слушателей) молодежного форума определяют специфическое поведение и субъективную норму, которые, в свою очередь, являются сильными предикторами намерения участия в подобного рода мероприятиях. Учитывая особенности психологического портрета участников молодежного форума в зависимости от проявления социальной тревожности, с одной стороны, будут определены направления профилактики неблагоприятных состояний у участников, с другой – продуктивной будет работа организаторов и маркетологов молодежных форумов.

Цель: выявить особенности эмоционального интеллекта и психического состояния у участников молодежного форума с различным уровнем социальной тревоги.

Материалы и методы

В основе исследования – результаты психодиагностики 72 участников окружного форума «Студтуризм УФО-2024» (июнь, Екатеринбург), проводимого в формате акселерационной образовательной программы в сфере молодежного туризма⁴. Работа выполнена на неклинической выборке респондентов, краткая социально-психологическая характеристика которых представлена в табл. 1.

Для оценки социальной тревоги участников форума использован опросник социальной тревоги и социофобии [29], представленный пятью шкалами: «Социальная тревога в ситуации “быть в центре внимания, под наблюдением”», «Постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях», «Сдержанность в выражении эмоций из-за страха отвержения и блокирова-

⁴ Четвёртый Окружной образовательный форум «Студтуризм УФО-2024» прошёл в Екатеринбурге // Сайт программы Студтуризм. URL: <https://xn--d1agcrehbhc.xn--p1ai/news/qsGh5iutfG> (дата обращения: 26.08.2024)

Социально-психологическая характеристика респондентов – участников окружного форума
«Студтуризм УФО-2024»
Social and psychological profiles of youth forum participants

Параметр, ед. изм. Parameter, unit of measurement	Средний уровень Medium level	Повышенный уровень Increased level	Высокий уровень High level
Пол Sex	женский/female (n = 14) мужской/male (n = 8)	женский/female (n = 28) мужской/male (n = 4)	женский/female (n = 17) мужской/male (n = 2)
Возраст, лет Age, years	34 (26–44)	36 (29–44)	28 (22–39)
Стаж (опыт) публич- ных выступлений на аудиторию более 50 человек, лет Public speaking expe- rience for an audience of 50+ persons, years	нет опыта/no – 2 1–2 раза в год/times per year – 2 3–5 раз в год/times per year – 4 > 5 раз в год/times per year – 14	нет опыта/no – 5 1–2 раза в год/times per year – 9 3–5 раз в год/times per year – 7 > 5 раз в год/times per year – 11	нет опыта/no – 3 1–2 раза в год/times per year – 6 3–5 раз в год/times per year – 5 > 5 раз в год/times per year – 5

ние признаков тревоги в экспертных ситуациях», «Тревога при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля» и «Избегание контакта при взаимодействии в субъективно экспертных ситуациях».

Критерием дифференциации респондентов на группы являлись значения шкалы «Социальная тревога в ситуации „быть в центре внимания, под наблюдением“»: 6–10 баллов составляли группу со средним (умеренным), 11–15 баллов – с повышенным, 16–21 балл – с высоким уровнем выраженности социальной тревоги [29].

Эмоциональный интеллект оценивали, используя краткую версию опросника ЭМИн [30], содержащую две шкалы: «Внутриличностный ЭМИн» (ВЭИ), «Межличностный ЭМИн» (МЭИ) и четыре субшкалы: «Понимание своих эмоций» (ПСЭ), «Управление своими эмоциями» (УСЭ), «Понимание чужих эмоций» (ПЧЭ), «Управление чужими эмоциями» (УЧЭ).

Методика «Оценка психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности»⁵ позволила дать косвенную оценку указанным в названии методики кратковременным психическим состояниям респондентов.

⁵ Практикум по экспериментальной и прикладной психологии: учеб. пособие / Л.И. Вансовская, В.К. Гайда, В.К. Гербачевский и др. / под ред. А.А. Крылова. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. С. 44.

Математико-статистический анализ полученных данных проводился с использованием пакета прикладных программ Microsoft Excel 2016, IBM SPSS Statistica v. 23. Определялась нормальность распределения выборки значений изучаемых показателей (для данной выборки – критерий Шапиро – Уилка). Значимость различий исследуемых показателей оценивали, применяя непараметрические критерии: для сравнения трех групп – критерий Краскелла – Уоллиса, для апостериорного сравнения – U-критерий Манна – Уитни. Взаимосвязь исследуемых показателей в сравниваемых группах оценивали, применяя корреляционный анализ по Спирмену. В таблицах представлены медианные значения и квартильный размах. Различия считали значимыми при $p < 0,05$.

Результаты и их обсуждение

Волнение, нерешительность, смущение – варианты проявления социальной тревоги, возникающей в ситуациях, в которых вторая сторона коммуникации (не всегда активная) уделяет внимание или наблюдает за деятельностью [29] – отражаются в самооценке первой шкалы опросника социальной тревоги и социофобии. В табл. 2 представлены значения сравниваемых групп, сформированных на основе критериев оценивания именно шкалы «Социальная тревога в ситуации „быть в центре внимания, под наблюдением“».

Группа респондентов со средним уровнем проявления этого и других компонентов социальной тревоги проявляют, как правило, ее

Таблица 2
Table 2

Медианные значения самооценки компонентов социальной тревоги респондентов с различным уровнем ее проявления в ситуации «быть в центре внимания, под наблюдением»
Median self-assessment values of social anxiety components among respondents with different scores on the “Social anxiety in situations involving being the center of attention” scale

Шкала Scale	Средний Medium	Повышенный Increased	Высокий High	Н-критерий р-уровень H-test P value
Социальная тревога в ситуации «быть в центре внимания, под наблюдением» Social anxiety in situations involving being the center of attention	8,0 (7,0–9,0)	13,0 (12,0–14,0)	17,0 (16,0–18,5)	63,188 < 0,001
Постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях Post-situational ruminations and the desire to overcome anxiety in expert situations	8,0 (7,0–10,0)	12,0 (10,0–14,0)	15,0 (12,5–15,5)	33,907 < 0,001
Сдержанность в выражении эмоций из-за страха отвержения и блокирование признаков тревоги в экспертных ситуациях Emotion restraint due to fear of rejection and suppressing anxiety in expert situations	7,5 (6,0–9,0)	11,0 (10,0–11,3)	12,0 (11,0–13,0)	37,088 < 0,001
Тревога при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля Initiative-related anxiety due to fear of criticism and loss of personal control	8,0 (7,0–9,0)	10,0 (9,0–11,0)	14,0 (12,0–16,0)	32,562 < 0,001
Избегание непосредственного контакта при взаимодействии в субъективно экспертных ситуациях Contact avoidance in subjectively expert situations	8,0 (6,3–9,0)	11,0 (10,0–12,0)	14,0 (13,0–16,0)	44,639 < 0,001
Общая оценка Total	39,0 (36,0–45,0)	55,5 (52,0–62,3)	73,0 (67,0–78,5)	53,884 < 0,001

умеренно, с попытками управлять ситуацией, сокрытия волнения, противостоять оценочной критике или стрессу. Межгрупповое сравнение (Н-критерий Краскелла – Уоллиса) медианных значений выявило статистически значимые различия по всем компонентам (шкалам) социальной тревоги.

Практическую значимость имеет оценка компонентов эмоционального интеллекта у лиц с различным уровнем социальной тревоги (табл. 3).

Использованный нами опросник Д.В. Люсина (ЭМИн) позволил оценить степень проявления компонентов внутри- (ВЭИ) и межличностного (МЭИ) эмоционального интел-

лекта как комплекса когнитивных способностей и личностных черт, которые помогают оперировать эмоциями [30]. Так, межгрупповые различия выявлены в сравнении медиан шкал «Понимание чужих эмоций» ($p = 0,008$), «Межличностный ЭМИн» ($p = 0,051$), а также «Общий ЭМИн» ($p = 0,028$). Апостериорное сравнение (U-критерий Манна – Уитни) выявило различия между группами со средним и высоким уровнями социальной тревоги по шкалам «Понимание своих эмоций» ($U = 114,0$ при $p = 0,010$), «Понимание чужих эмоций» ($U = 112,5$ при $p = 0,005$), «Межличностный ЭМИн» ($U = 124,0$ при $p = 0,023$) и «Общий ЭМИн» ($U = 112,0$ при $p = 0,011$). Сравнивая

Таблица 3
Table 3

Медианные значения самооценки компонентов эмоционального интеллекта респондентов с различным уровнем социальной тревоги в ситуации «быть в центре внимания, под наблюдением»
Median self-assessment values of emotional intelligence components among respondents with different scores on the “Social anxiety in situations involving being the center of attention” scale

Шкала Scale	Средний Medium	Повышенный Increased	Высокий High	Н-критерий р-уровень H-test P value
Понимание своих эмоций (ПСЭ) Understanding one's emotions	7,0 (6,0–8,0)	6,0 (6,0–7,0)	5,0 (5,0–7,0)	8,219 0,016
Управление своими эмоциями (УСЭ) Managing one's emotions	6,0 (6,0–7,0)	6,0 (5,8–7,0)	6,0 (5,5–7,0)	0,024 0,988
Понимание чужих эмоций (ПЧЭ) Understanding others' emotions	6,0 (6,0–7,0)	6,0 (6,0–7,0)	6,0 (5,5–6,0)	9,771 0,008
Управление чужими эмоциями (УЧЭ) Managing others' emotions	6,0 (6,0–7,0)	6,0 (5,0–7,0)	6,0 (5,5–6,0)	1,506 0,471
Внутриличностный ЭмИн (ВЭИ) Intrapersonal EmIn	13,0 (12,0–15,0)	12,0 (11,0–14,0)	12,0 (11,0–13,0)	3,411 0,182
Межличностный ЭмИн (МЭИ) Interpersonal EmIn	13,0 (12,0–14,0)	12,0 (12,0–13,0)	12,0 (10,5–12,5)	5,958 0,051
Общий ЭмИн Total EmIn	25,5 (25,0–27,0)	25,0 (24,0–26,0)	24,0 (22,0–26,0)	7,164 0,028

группы респондентов с повышенным и средним уровнем социальной тревоги, значимым был результат сравнения по шкале «Понимание своих эмоций» ($U = 234,0$ при $p = 0,031$); при сравнении групп с высоким и повышенным уровнем социальной тревоги – «Понимание чужих эмоций» ($U = 175,0$ при $p = 0,005$).

Примечательно, что сравниваемые группы респондентов не отличаются в части проявления способности к управлению своими и чужими эмоциями. Независимо от уровня социальной тревоги они в равной степени спо-

собны к контролю интенсивности эмоций, их внешнего выражения.

Результаты по методике «Оценка психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности» у лиц сравниваемых групп представлены в табл. 4. Учитывая специфичность мероприятия, в котором принимали участие респонденты, оценивание компонентов психического состояния целесообразно.

Медианные значения показателей психической активации и напряжения соответствую-

Таблица 4
Table 4

Медианные значения самооценки психического состояния респондентов с различным уровнем социальной тревоги в ситуации «быть в центре внимания, под наблюдением»
Median self-assessment values of mental state among respondents with different scores on the “Social anxiety in situations involving being the center of attention” scale

Шкала Scale	Средний Medium	Повышенный Increased	Высокий High	Н-критерий р-уровень H-test P value
Психическая активация Mental activation	9,0 (9,0–10,0)	9,0 (8,0–11,0)	10,0 (9,5–11,0)	2,877 0,237
Интерес Interest	6,0 (4,0–8,0)	7,0 (6,0–10,0)	10,0 (7,5–11,5)	13,685 0,001
Эмоциональный тонус Emotional tone	5,0 (4,0–7,0)	5,5 (4,0–8,0)	8,0 (6,5–10,5)	12,203 0,002
Напряжение Stress	12,0 (11,0–14,8)	11,0 (9,0–13,3)	12,0 (9,0–14,0)	1,962 0,375
Комфортность Comfort	8,0 (7,0–9,8)	8,5 (7,0–10,0)	10,0 (8,0–10,0)	3,932 0,140

ют среднему уровню проявления независимо от принадлежности респондентов к той или иной группе сравнения. Также во всех группах (независимо от уровня социальной тревоги) высокому уровню соответствуют самооценки эмоционального тонуса. Высокие уровни интереса и комфортности демонстрируют респонденты со средним и повышенным уровнями социальной тревоги.

Межгрупповые различия параметров психического состояния выявлены по шкалам «Интерес» ($p = 0,001$) и «Эмоциональный тонус» ($p = 0,002$). Учитывая особенности критериев оценивания данных, полученных по указанной методике (см. подраздел «Материалы и методы»), лица с высоким уровнем социальной тревоги указывают на сравнительно низкие уровни проявления эмоционального тонуса и интереса как потребностного отношения или мотивационного состояния, побуждающего к познавательной деятельности личности – участника молодежного форума.

Апостериорное сравнение выявило значимые различия по шкалам «Интерес» и «Эмоциональный тонус»: при сопоставлении медиан в группах с высоким и повышенным ($U = 182,5$ при $p = 0,001$ и $U = 163,0$ при $p = 0,006$); с высоким и средним уровнем социальной тревоги ($U = 74,0$ при $p < 0,001$ и $U = 84,0$ при $p = 0,001$).

Корреляционный анализ параметров социальной тревоги, психического состояния и эмоционального интеллекта позволил выявить особенности взаимосвязей исследуемых показателей в группах лиц с различным уровнем социальной тревоги (см. рисунок).

Характеризуя взаимосвязи исследуемых показателей в группе респондентов с **умеренным (средним) уровнем** выраженности социальной тревоги, выделим три параметра, имеющие наибольшее количество двусторонних корреляций: «управление чужими эмоциями» (5), «межличностный эмоциональный интеллект» (5) и «эмоциональный тонус» (5). Согласно концепции эмоционального интеллекта, заложенной Д.В. Люсиным в опросник «ЭИИ», шкалу «Межличностный ЭИИ» составляют субшкалы «Понимание» и «Управление» чужими эмоциями [30]. Однако именно параметр «Управление чужими эмоциями» имеет значимые отрицательные взаимосвязи (см. рисунок), например, с показателями «Постситуативные руминации» ($r = -0,622$ при $p = 0,002$), «Тревога из-за страха критики» ($r =$

$-0,538$ при $p = 0,010$) и «Эмоциональный тонус» ($r = -0,582$ при $p = 0,004$).

Способность к управлению чужими эмоциями снижается за счет высоких значений эмоционального тонуса, интереса. Такого рода «конкуренция» между желанием активного взаимодействия и возможностями, ограниченными потенциальной тревогой из-за страха критики и, как следствие – избегание контакта при взаимодействии, является регуляторным механизмом активности участников форума с **умеренным (средним) уровнем** социальной тревоги.

Данное предположение поддерживается наличием отрицательной взаимосвязи параметра «Управление своими эмоциями» с «Психической активацией» ($r = -0,428$ при $p = 0,047$).

Повышенный «Эмоциональный тонус» в анализируемой группе респондентов прямо пропорционально определяет избегание контакта при взаимодействии ($r = 0,562$ при $p = 0,007$) и социальную тревогу, вызванную ситуацией «быть в центре внимания» ($r = 0,484$ при $p = 0,022$).

Интегральный показатель социальной тревоги имел значимые отрицательные взаимосвязи с показателями «Управление чужими эмоциями» ($r = -0,530$ при $p = 0,011$) и «Межличностный ЭИИ» ($r = -0,459$ при $p = 0,032$); положительную – с «Эмоциональный тонус» ($r = -0,513$ при $p = 0,015$), характеризующим текущее психическое состояние респондентов данной группы сравнения.

В группе участников, демонстрирующих **повышенный уровень** социальной тревоги, корреляционная плеяда представлена всего двумя статистически значимыми взаимосвязями (см. рисунок). Так, чем выше тревога, приводящая к избеганию контакта при социальном взаимодействии, тем ниже способность к управлению чужими эмоциями ($r = -0,353$ при $p = 0,048$), а высокая тревожность в ситуации «быть в центре внимания» взаимосвязана с показателем «Комфортность» ($r = 0,351$ при $p = 0,049$).

Специфичность указанных взаимосвязей требует интерпретации с учетом ранее обозначенной позиции о наличии у респондентов профессиональной заинтересованности, направленной на повышение их квалификации в области управления и организации туризма. На стремление проявить эмоциональную активность на фоне повышенной социальной

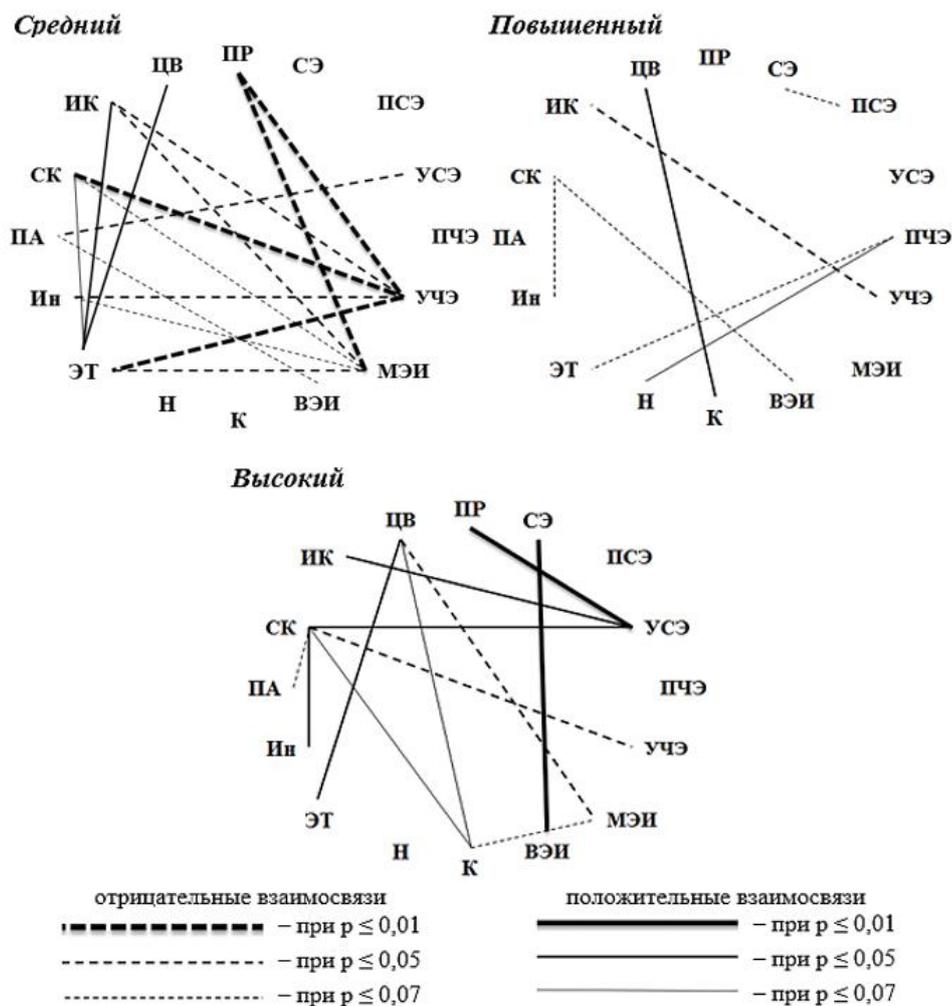

Рис. Корреляционные плеяды показателей социальной тревоги, психического состояния и эмоционального интеллекта у лиц с различным уровнем социальной тревоги
 Fig. Correlations between the components of social anxiety, mental state, and emotional intelligence among respondents with different levels of social anxiety

Примечание: условное обозначение шкал опросника «Социальная тревога и социофобия»: СК – тревога из-за страха критики, ИК – избегание контакта при взаимодействии, ЦВ – социальная тревога в ситуации “быть в центре внимания”, ПР – постситуативные руминации, СЭ – сдержанность в выражении эмоций из-за страха отвержения; шкал опросника ЭмИн: ПСЭ – «Понимание своих эмоций», УСЭ – «Управление своими эмоциями», ПЧЭ – «Понимание чужих эмоций», УЧЭ – «Управление чужими эмоциями», ВЭИ – «Внутриличностный ЭмИн», МЭИ – «Межличностный ЭмИн»; шкал методики оценки психических состояний: ПА – «Психическая активация», Ин – «Интерес», ЭТ – «Эмоциональный тонус», Н – «Напряжение», К – «Комфортность»

Note: СК – fear of criticism, ИК – contact avoidance, ЦВ – social anxiety in situations involving being the center of attention, ПР – post-situational ruminations, СЭ – emotion restraint due to fear of rejection; Emln scales: ПСЭ – understanding one’s emotions, УСЭ – managing one’s emotions, ПЧЭ – understanding others’ emotions, УЧЭ – managing others’ emotions, ВЭИ – intra-personal Emln, МЭИ – interpersonal Emln; mental state assessment: ПА – mental activation, Ин – interest, ЭТ – emotional tone, Н – stress, К – comfort

тревожности указывают «субзначимые» отрицательные корреляции между сдержанностью в выражении эмоций из-за страха отвержения (что выражено также в блокировании признаков тревоги) и способностью к пониманию своих эмоций ($r = -0,337$ при $p = 0,060$); тревогой при проявлении инициативы из-за страха критики (что сопровождается в снижении самоконтроля) и внутриличностным эмоциональным интеллектом ($r = -0,318$

при $p = 0,076$). Эмоциональный тонус на фоне повышенной социальной тревожности способствует снижению способности понимания чужих эмоций ($r = -0,324$ при $p = 0,070$), что, в свою очередь, проявляется в повышении уровня психической напряженности ($r = 0,347$ при $p = 0,052$). Однако интерес к деятельности положительно взаимосвязан с тревогой при проявлении инициативы из-за страха критики в свой адрес ($r = 0,342$ при $p = 0,055$).

Интегральный показатель социальной тревоги имел значимые отрицательные взаимосвязи с показателями «Понимание своих эмоций» ($r = -0,396$ при $p = 0,025$) и «Внутриличностный ЭМИн» ($r = -0,433$ при $p = 0,013$).

«Неоднородной» является структура взаимосвязей исследуемых параметров в группе лиц с **высоким уровнем** выраженности социальной тревоги (см. рисунок). Ведущими показателями плеяды являются два компонента социальной тревоги: 1) возникающей в ситуации «быть в центре внимания» (две значимые взаимосвязи) и 2) возникающей из-за страха критики (четыре значимые взаимосвязи). Первый взаимосвязан с межличностным интеллектом ($r = -0,525$ при $p = 0,021$) и эмоциональным тонусом ($r = 0,544$ при $p = 0,016$); второй – с показателем «Интерес» ($r = 0,544$ при $p = 0,016$), а также с субшкалами «Управление своими эмоциями» ($r = 0,471$ при $p = 0,042$) и «Управление чужими эмоциями» ($r = -0,477$ при $p = 0,039$), что обуславливает взаимосвязь с параметром «Межличностный ЭМИн» ($r = -0,460$ при $p = 0,047$).

Примечательно, что способность к управлению своими эмоциями положительно связана с тремя компонентами социальной тревоги: возникающей из-за страха критики (описана выше), инициирующей избегание контакта при социальном контакте взаимодействии ($r = 0,488$ при $p = 0,034$), и сдержанностью в выражении эмоций из-за страха отвержения ($r = 0,725$ при $p < 0,001$).

Интегральный показатель социальной тревоги имеет отрицательную взаимосвязь с параметром «Межличностный ЭМИн» ($r = -0,452$ при $p = 0,052$), положительные с показателем «Управление своими эмоциями» ($r = 0,478$ при $p = 0,038$), а также с показателями психического состояния: эмоциональным тонусом ($r = 0,514$ при $p = 0,024$) и комфортностью ($r = 0,456$ при $p = 0,050$).

Выявленные в сравниваемых группах различия в проявлении эмоционального интеллекта и психическом состоянии в целом согласуются с ранее полученными результатами исследований коррелятов социальной тревоги [13, 17, 18, 20, 31]. Считаем значимыми результаты корреляционного анализа, указывающие на различные механизмы реализации потенциального социального взаимодействия респондентов сравниваемых групп. Условия деятельности в рамках молодежного форума индуцируют (активизируют)

у слушателей интерес и соответствующий эмоциональный тонус – сформированный комплекс состояний, которые создают эмоциональную основу состояний психических [32]. Являясь одним из важнейших показателей успешности адаптации к изменениям условий социальной среды, он положительно взаимосвязан со многими компонентами социальной тревоги, что ярко выражено в группе респондентов со средним уровнем ее проявления.

Не менее важной, на наш взгляд, является интерпретация взаимосвязи показателя «Интерес» в сравниваемых группах. Интерес как эмоционально-познавательное отношение, в частности к теме туризма, которое побуждает участников к познанию непосредственно, независимо от других мотивов, может рассматриваться как отличительный признак профессиональной деятельности. Так, фиксируя направленность деятельности, «связывая внешнее и внутреннее, личные и общественные ценности» слушателя [33], интерес детерминирует различную степень социальной тревоги. У лиц с умеренной тревогой повышенный интерес снижает способность к управлению чужими эмоциями, и напротив – концентрация на коммуникации снижает интерес (преимущественно за счет повышения эмоционального тонуса). Однако у респондентов с высокой социальной тревогой повышение интереса сопровождается повышением страха критики как компонента социальной тревоги. Сдерживание такими лицами выражения эмоций из-за страха неприятия, отвержения в социально значимых ситуациях способствует повышению внутриличностного эмоционального интеллекта и его компонентов. То же справедливо и по отношению к постситуативным руминациям (чаще неконструктивным), страху критики и избеганию взаимодействия, в совокупности модифицирующим способность к управлению своими эмоциями.

Обобщая результаты исследования, можно указать на тенденцию активного «включения» психического уровня в структуру взаимосвязей параметров социальной тревоги и эмоционального интеллекта. Информативными показателями, характеризующими оперативное психическое состояние, являются интерес, эмоциональный тонус и комфортность. Подавление эмоций как вариант саморегуляции и преодоления социальной тревоги на фоне проявления необходимой активности (проявление профессио-

нального интереса) выражено в подавлении соответствующего поведения. Однако подобного рода регуляция эмоций нецелесообразна с позиций сохранения контроля, продуктивности деятельности. В таких случаях, по мнению Ю.Е. Кравченко (2015), наблюдается соматизация переживаний: повышаются беспокойство, страх, экспрессия, неблагоприятные физиологические реакции [28]. В данном аспекте эмоциональный интеллект, являясь социально обусловленным и развиваемым ресурсом, может выступать инструментом снижения тревоги [34].

Заключение

Выявлены особенности эмоционального интеллекта и психического состояния у участников молодежного форума с различным уровнем социальной тревоги. Межличностный ЭИИ у лиц *со средним уровнем* социальной тревоги детерминирован отрицательными взаимосвязями с параметрами постситуативной руминации, эмоционального тонуса, интереса и избегания контакта. В группе лиц *с повышенным уровнем* социальной тревоги эмоциональный интеллект характеризуется как межличностным («Управление чужими эмоциями»), так и внутриличностным его компонентами («Понимание своих эмоций»), связанными преимущественно с социальной тревогой, вызванной избеганием непосредственного контакта с коммуникантами. В группе лиц *с высоким уровнем* социальной тревоги выявлены взаимосвязи социальной тревоги с обоими компонентами эмоционального интеллекта (внутри- и межличностного). Сдерживание

эмоций и постситуативные руминации связаны с внутриличностным эмоциональным интеллектом. Ведущим видом является тревога, возникающая при проявлении инициативы, повлекшая страх критики в свой адрес и потерю субъективного контроля. Последнюю отягчают (усугубляют) положительные взаимосвязи с параметрами, характеризующими оперативное психическое состояние: интересом, эмоциональным тонусом, комфортностью.

Считаем актуальным направление исследований по разработке и внедрению технологии профилактики и снижения социальной тревоги на неклинических выборках обследуемых лиц с высоким уровнем проявления профессионального интереса. В этой связи востребованными являются результаты организации молодежных форумов в популярном сегодня онлайн-формате. Показано, что особенности видеоконференции инициируют тревогу у участников преимущественно за свою внешность, связанную с тем, что «другие наблюдают» и оценивают. Однако такие технологические особенности, как использование кольцевой подсветки и/или выключение камеры способствуют снижению социальной тревоги [35]. Подобный эффект выявлен и при проведении конференций в период карантинных мероприятий – при ограничении социальных контактов, в частности при обеспечении «социальной дистанции» и барьерной защиты между коммуникантами [36]. Использование роботов-аватаров, маскирующих личность пользователя [37], также способствует снижению социальной тревоги участников видеоконференции [38].

Список источников

1. de Leon F.L.L., McQuillin B. The Role of Conferences on the Pathway to Academic Impact // *Journal of Human Resources*. 2020. Vol. 55 (1). P. 164–193. DOI: 10.3368/jhr.55.1.1116-8387R
2. Little C. Undergraduate research as a student engagement springboard: Exploring the longer-term reported benefits of participation in a research conference // *Educational Research*. 2020. Vol. 62(2). P. 229–245. DOI: 10.1080/00131881.2020.1747360
3. Pull C.B. Current status of knowledge on public-speaking anxiety // *Current Opinion in Psychiatry*. 2012. Vol. 25(1). P. 32–38. DOI: 10.1097/YCO.0b013e32834e06dc
4. Владыкина И.К. Страх публичных выступлений: социально-психологический анализ // *Политическая психология: хрестоматия*. М.: ООО Изд-во «Аспект Пресс». 2018. С. 428–439.
5. Mills S. Gender and Performance Anxiety at Academic Conferences. Ed. J. Baxter. *Speaking Out*. Palgrave Macmillan. London. 2006. DOI: 10.1057/9780230522435_4
6. Вырская О.Б. Проявление страха публичных выступлений в зависимости от самооценки и самовосприятия личности // *Бизнес и общество*. 2023. № 1(37). URL: http://business-society.ru/2023/1-37/22_vyrskaja.pdf (дата обращения: 15.16.2024)
7. Lamprou E., Koupriza G., Vatakis A. The perception and passage of time during public speaking // *Acta Psychologica*. 2024. Vol. 246. Art. 104268. DOI: 10.1016/i.actpsv.2024.104268

8. Матюхин И.В. Исследование типов и причин реагирования людей, выступающих публично // Современное образование. 2015. № 4. С. 92–113. DOI: 10.7256/2409-8736.2015.4.16308
9. Behavioral assessment of public-speaking anxiety using a modified version of the Social Performance Rating Scale / G.C. Harb, W. Eng, T. Zaider, R.G. Heimberg // Behaviour Research and Therapy. 2003. Vol. 41, iss. 11. P. 1373–1380. DOI: 10.1016/S0005-7967(03)00158-X
10. The Effect of Previous Exposure on Virtual Reality Induced Public Speaking Anxiety: A Physiological and Behavioral Study / M. Girondini, M. Stefanova, M. Pillan, A. Gallace // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2023. Vol. 26(2). P. 127–133. DOI: 10.1089/cyber.2022.0121
11. Tejwani V., Ha D., Isada C. Observations: Public Speaking Anxiety in Graduate Medical Education – A Matter of Interpersonal and Communication Skills? // Journal of Graduate Medical Education. 2016. Vol. 8(1). Art. 111. DOI: 10.4300/JGME-D-15-00500.1
12. Public speaking anxiety decreases within repeated virtual reality training sessions / M. Takac, J. Collett, K.J. Blom et al. // PLoS One. 2019. Vol. 14(5). Art. e0216288. DOI: 10.1371/journal.pone.0216288
13. The causal role of negative imagery in social anxiety: A test in confident public speakers / C.R. Hirsch, A. Mathews, D.M. Clark et al. // Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry. 2006. Vol. 37, iss. 2. P. 159–170. DOI: 10.1016/j.jbtep.2005.03.003
14. Зейгарник Б.В. Опосредствование и саморегуляция в норме и патологии // Вестник Московского университета. Серия «Психология». 1981. № 2. С. 9–15.
15. Clark D.M., Wells A. A cognitive model of social phobia // Social phobia: Diagnosis, assessment, and treatment / Eds. R.G. Heimberg, M. Liebowitz, D. Hope, F. Schneier. New York. Guilford Press. 1995. P. 69–93
16. Higher anxiety rating does not mean poor speech performance: dissociation of the neural mechanisms of anticipation and delivery of public speaking / S.G. Kuai, Q. Liang, Y.Y. He, H.N. Wu // Brain Imaging and Behavior. 2021. Vol. 15(4). P. 1934–1943. DOI: 10.1007/s11682-020-00387-3
17. Краснова В.В., Холмогорова А.Б. Социальная тревожность и ее связь с эмоциональной дезадаптацией, уровнем стресса и качеством интерперсональных отношений у студентов // Вопросы психологии. 2011. № 3. С. 49–58.
18. Social anxiety, emotional intelligence, and interpersonal adjustment / L.J. Summerfeldt, P.H. Kloosterman, M.M. Antony, J.D.A. Parker // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. 2006. Vol. 28. P. 57–68
19. Neural correlates of social interaction anxiety and their relation to emotional intelligence: A resting-state fMRI study / S. Xue, F. Kong, Y. Song, J. Liu // Neuroscience Letters. 2024. Vol. 818. Art. 137475. DOI: 10.1016/j.neulet.2023.137475
20. Social anxiety and social cognition: The influence of sex / S.R. Sutterby, J.S. Bedwell, J.S. Passler et al. // Psychiatry Research. 2012. Vol. 197, iss. 3. P. 242–245. DOI: 10.1016/j.psychres.2012.02.014
21. Gan S.K., Zeng Y., Wang Z. Social anxiety mediates workplace incivility and work engagement // Frontiers in Psychology. 2023. Vol. 14. Art. 1320703. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1320703
22. How are social stressors at work related to well-being and health? A systematic review and meta-analysis / C. Gerhardt, N.K. Semmer, S. Sauter et al. // BMC Public Health. 2021. Vol. 21. Art. 890. DOI: 10.1186/s12889-021-10894-7
23. Лунева П.Д., Абабков В.А. Копинг-поведение при социальных фобиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13, № 2. С. 147–163. DOI: 10.21638/spbu16.2023.202
24. Social anxiety modulates emotion processing for social threat words: Evidence from ERP / J. Cao, F. Si, Y. Zhan et al. // Neuroscience Letters. 2023. Vol. 816. Art. 137498. DOI: 10.1016/j.neulet.2023.137498
25. Hofmann S.G. Cognitive factors that maintain social anxiety disorder: A comprehensive model and its treatment implications. Cognitive Behaviour Therapy. 2007. Vol. 36. P. 193–209. DOI: 10.1080/16506070701421313
26. Farmer A.S., Kashdan T.B. Social anxiety and emotion regulation in daily life: Spillover effects on positive and negative social events // Cognitive Behaviour Therapy. 2012. Vol. 41. P. 152–162. DOI: 10.1080/16506073.2012.666561
27. Горбатков А.А. Динамика эмоций в деятельности: дифференциальный аспект // Психологический журнал. 2007. Т. 28, № 4. С. 101–113.
28. Кравченко Ю.Е. Подавление эмоционального поведения и субъективное переживание // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8, № 1. С. 28–38.

29. Сагалакова О.А., Труевцев Д.В. Опросник социальной тревоги и социофобии // Медицинская психология в России. 2012. № 4(15). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2012_4_15/nomer/nomer19.php (дата обращения: 08.05.2024)
30. Панкратова А.А., Корниенко Д.С., Люсин Д.В. Апробация краткой версии опросника Эмин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19, № 4. С. 822–834. DOI: 10.17323/1813-8918-2022-4-822-834
31. Social anxiety, emotional intelligence, and interpersonal adjustment / L.J. Summerfeldt, P.H. Kloosterman, M.M. Antony, J.D.A. Parker // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. 2006. Vol. 28. P. 57–68. DOI: 10.1007/s10862-006-4542-1
32. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с.
33. Цуканов С.С., Орнацкая А.Д. Подходы к пониманию интереса в педагогике профессионального образования // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 65-3. С. 101–103. DOI: 10.18411/lj-09-2020-105. 33
34. Нелинейность взаимосвязи эмоционального интеллекта и тревожности педагогов / С.А. Минюрова, Е.Ю. Брель, О.В. Кружкова и др. // Педагогическое образование в России. 2023. № 3. С. 199–207
35. Huang L., Pricer L. How video conferencing promotes preferences for self-enhancement products // International Journal of Research in Marketing. 2024. Vol. 41, iss. 1. P. 93–112. DOI: 10.1016/j.ijresmar.2023.09.001
36. Saint S.A., Moscovitch D.A. Effects of mask-wearing on social anxiety: an exploratory review // Anxiety, Stress, Coping. 2021. Vol. 34(5). P. 487–502. DOI: 10.1080/10615806.2021.1929936
37. Choi J.J., Kwak S.S. Who Is This?: Identity and Presence in Robot-Mediated Communication // Cognitive Systems Research. 2017. Vol. 43. P. 174–189. DOI:10.1016/j.cogsys.2016.07.006
38. Gleason B., Greenhow C. Hybrid Education: The Potential of Teaching and Learning with Robot-Mediated Communication // Online Learning. 2017. Vol. 21. P. 159–176. DOI: 10.24059/olj.v21i4.1276

Поступила 26.08.2024; одобрена после рецензирования 03.10.2024; принята к публикации 10.10.2024.

Информация об авторах

Байгужин Павел Азифович, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра спортивной науки; Институт спорта, туризма и сервиса; Южно-Уральский государственный университет (454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 76), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5092-0943>, e-mail: baiguzhinpa@susu.ru

Третьякова Татьяна Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой туризма и социально-культурного сервиса; Институт спорта, туризма и сервиса; Южно-Уральский государственный университет (454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 76), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3525-5121>, e-mail: tretiakovatn@susu.ru

Нехорошева Светлана Геннадьевна, начальник отдела развития молодежного и студенческого туризма, Международный молодежный центр, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6), ORCID: <http://orcid.org/0009-0003-4982-5054>, e-mail: sveta.nehoroshewa@yandex.ru

Горбунова Ирина Александровна, старший преподаватель, кафедра туризма и социально-культурного сервиса; Институт спорта, туризма и сервиса; Южно-Уральский государственный университет (454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 76), e-mail: gorbunovaia@susu.ru

Заявленный вклад авторов

Байгужин П.А. – концепция исследования, анализ литературных источников, обработка данных, редакция окончательного варианта текста.

Третьякова Т.Н. – организация обследования, анализ литературных источников, подготовка текста статьи.

Нехорошева С.Г. – организация обследования, характеристика респондентов.

Горбунова И.А. – создание базы данных результатов исследования.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. de Leon F.L.L., McQuillin B. The Role of Conferences on the Pathway to Academic Impact. *Journal of Human Resources*. 2020;55(1):164–193. DOI: 10.3368/jhr.55.1.1116-8387R
2. Little C. Undergraduate research as a student engagement springboard: Exploring the longer-term reported benefits of participation in a research conference. *Educational Research*. 2020;62(2):229–245. DOI: 10.1080/00131881.2020.1747360
3. Pull C.B. Current status of knowledge on public-speaking anxiety. *Current Opinion in Psychiatry*. 2012;25(1):32–38. DOI: 10.1097/YCO.0b013e32834e06dc
4. Vladykina I.K. *Strakh publichnykh vystuplenii: sotsialno-psikhologicheskii analiz* [Fear of public speaking: a socio-psychological analysis]. *Politicheskaya psikhologiya: Khrestomatiya* [Political psychology: A textbook]. Moscow. Aspect Press Publishing House, LLC. 2018:428–439. (in Russ.).
5. Mills S. Gender and Performance Anxiety at Academic Conferences. Ed. J. Baxter. *Speaking Out*. Palgrave Macmillan. London. 2006. DOI: 10.1057/9780230522435_4
6. Vyrskaya O.B. Manifestation of fear of public speaking depending on self-esteem and self-perception of personality. *Business and society*. 2023;1(37). URL: http://business-society.ru/2023/1-37/22_vyrskaja.pdf (accessed: 15.16.2024) (in Russ.).
7. Lamprou E., Koupriza G., Vatakis A. The perception and passage of time during public speaking. *Acta Psychologica*. 2024;246:104268. DOI: 10.1016/j.actpsy.2024.104268
8. Matyukhin I.V. Investigation of the types and causes of the reaction of people speaking in public. *Sovremennoe obrazovanie = Modern education*. 2015;4:92–113. DOI: 10.7256/2409-8736.2015.4.16308 (in Russ.).
9. Harb G.C., Eng W., Zaider T., Heimberg R.G. Behavioral assessment of public-speaking anxiety using a modified version of the Social Performance Rating Scale. *Behaviour Research and Therapy*. 2003;41(11):1373–1380. DOI: 10.1016/S0005-7967(03)00158-X
10. Girondini M., Stefanova M., Pillan M., Gallace A. The Effect of Previous Exposure on Virtual Reality Induced Public Speaking Anxiety: A Physiological and Behavioral Study. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2023;26(2):127–133. DOI: 10.1089/cyber.2022.0121
11. Tejwani V., Ha D., Isada C. Observations: Public Speaking Anxiety in Graduate Medical Education – A Matter of Interpersonal and Communication Skills? *Journal of Graduate Medical Education*. 2016;8(1):111. DOI: 10.4300/JGME-D-15-00500.1
12. Takac M., Collett J., Blom K.J. et al. Public speaking anxiety decreases within repeated virtual reality training sessions. *PLoS One*. 2019;14(5):e0216288. DOI: 10.1371/journal.pone.0216288
13. Hirsch C.R., Mathews A., Clark D.M. et al. The causal role of negative imagery in social anxiety: A test in confident public speakers. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 2006;37(2):159–170. DOI: 10.1016/j.jbtep.2005.03.003.
14. Zeigarnik B.V. Mediation and self-regulation in norm and pathology. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya "Psikhologiya" = Bulletin of the Moscow University. Series "Psychology"*. 1981;2:9–15. (in Russ.).
15. Clark D.M., Wells A. A cognitive model of social phobia. Social phobia: Diagnosis, assessment, and treatment. Eds. R.G. Heimberg, M. Liebowitz, D. Hope, F. Schneier. New York. Guilford Press. 1995:69–93.
16. Kuai S.G., Liang Q., He Y.Y., Wu H.N. Higher anxiety rating does not mean poor speech performance: dissociation of the neural mechanisms of anticipation and delivery of public speaking. *Brain Imaging and Behavior*. 2021;15(4):1934–1943. DOI: 10.1007/s11682-020-00387-3
17. Krasnova V.V., Kholmogorova A.B. Social anxiety and its link to emotional maladjustment, stress level and quality of students interpersonal relations. *Voprosy psikhologii*. 2011;3:49–58. (in Russ.).
18. Summerfeldt L.J., Kloosterman P.H., Antony M.M., Parker J.D.A. Social anxiety, emotional intelligence, and interpersonal adjustment. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2006;28:57–68
19. Xue S., Kong F., Song Y., Liu J. Neural correlates of social interaction anxiety and their relation to emotional intelligence: A resting-state fMRI study. *Neuroscience Letters*. 2024;818:137475. DOI: 10.1016/j.neulet.2023.137475

20. Sutterby S.R., Bedwell J.S., Passler J.S. et al. Social anxiety and social cognition: The influence of sex. *Psychiatry Research*. 2012;197(3):242–245. DOI: 10.1016/j.psychres.2012.02.014
21. Gan S.K., Zeng Y., Wang Z. Social anxiety mediates workplace incivility and work engagement. *Frontiers in Psychology*. 2023;14:1320703. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1320703
22. Gerhardt C., Semmer N. K., Sauter S. et al. How are social stressors at work related to well-being and health? A systematic review and meta-analysis. *BMC Public Health*. 2021;21:890. DOI: 10.1186/s12889-021-10894-7
23. Luneva P., Ababkov V. Coping behavior for social phobia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya = Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2023;13(2):147–163. DOI: 10.21638/spbu16.2023.202 (in Russ.).
24. Cao J., Si F., Zhan Y. et al. Social anxiety modulates emotion processing for social threat words: Evidence from ERP. *Neuroscience Letters*. 2023;816:137498. DOI: 10.1016/j.neulet.2023.137498
25. Hofmann S.G. Cognitive factors that maintain social anxiety disorder: A comprehensive model and its treatment implications. *Cognitive Behaviour Therapy*. 2007;36:193–209. DOI: 10.1080/16506070701421313
26. Farmer A.S., Kashdan T.B. Social anxiety and emotion regulation in daily life: Spillover effects on positive and negative social events. *Cognitive Behaviour Therapy*. 2012;41:152–162. DOI: 10.1080/16506073.2012.666561
27. Gorbakov A.A. Dynamics of emotions in activity: differential aspect. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*. 2007;28(4):101–113. (in Russ.).
28. Kravchenko Yu.E. Suppression of emotional behavior and subjective experience. *Ekspериментальная psikhologiya = Experimental psychology*. 2015;8(1):28–38. (in Russ.).
29. Sagalakova O.A., Truevtsev D.V. Questionnaire of social anxiety and social phobia. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii = Medical psychology in Russia*. 2012;4(15). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2012_4_15/nomer/nomer19.php (accessed: 08.05.2024). (in Russ.).
30. Pankratova A.A., Kornienko D.S., Lyusin D.V. Short form of the EMIN questionnaire. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2022;19(4):822–834. DOI: 10.17323/1813-8918-2022-4-822-834
31. Summerfeldt L.J., Kloosterman P.H., Antony M.M., Parker J.D.A. Social anxiety, emotional intelligence, and interpersonal adjustment. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2006;28:57–68. DOI: 10.1007/s10862-006-4542-1
32. Ilyin E.P. *Emotsii i chuvstva [Emotions and feelings]*. St. Petersburg: Peter. 2001:752. (in Russ.).
33. Tsukanov S.S., Ornatskaya A.D. Approaches to understanding interest in the pedagogy of vocational education. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the development of science and education*. 2020;65-3:101–103. DOI: 10.18411/lj-09-2020-105 (in Russ.).
34. Minyurova S.A., Brel E.Yu., Kruzhkova O.V. et al. The Nonlinearity of the Relationship between Emotional Intelligence and Anxiety of Teachers. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*. 2023;3:199–207. (in Russ.).
35. Huang L., Pricer L. How video conferencing promotes preferences for self-enhancement products. *International Journal of Research in Marketing*. 2024;41(1):93–112. DOI: 10.1016/j.ijresmar.2023.09.001.
36. Saint S.A., Moscovitch D.A. Effects of mask-wearing on social anxiety: an exploratory review. *Anxiety, Stress, Coping*. 2021;34(5):487–502. DOI: 10.1080/10615806.2021.1929936
37. Choi J.J., Kwak S.S. Who Is This?: Identity and Presence in Robot-Mediated Communication. *Cognitive Systems Research*. 2017;43:174–189. DOI: 10.1016/j.cogsys.2016.07.006
38. Gleason B., Greenhow C. Hybrid Education: The Potential of Teaching and Learning with Robot-Mediated Communication. *Online Learning*. 2017;21:159–176. DOI: 10.24059/olj.v21i4.1276

Submitted 26.08.2024; approved after reviewing 03.10.2024; accepted for publication 10.10.2024.

About the authors

Pavel A. Baiguzhin, Doctor of Biological Sciences, Leading Researcher, Research Center for Sports Science; Institute of Sport, Tourism and Service; South Ural State University (76 Lenin Ave., Chelyabinsk, 454080, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5092-0943>, e-mail: baiguzhinpa@susu.ru

Tatiana N. Tretiakova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Tourism and Socio-Cultural Service; Institute of Sport, Tourism and Service; South Ural State University (76 Lenin Ave., Chelyabinsk, 454080, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3525-5121>, e-mail: tretiakovatn@susu.ru

Svetlana G. Nehorosheva, Head of the Department for the Development of Youth and Student Tourism, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4982-5054>, e-mail: sveta.nehoroshewa@yandex.ru

Irina A. Gorbunova, Senior Lecturer, Department of Tourism and Socio-Cultural Service; Institute of Sport, Tourism and Service; South Ural State University (76 Lenin Ave., Chelyabinsk, 454080, Russia), e-mail: gorbunovaia@susu.ru

Contribution of the authors

Baiguzhin P.A. – research concept, analysis of literary sources, data processing, revision of the final version of the text.

Tretiakova T.N. – survey data collection, analysis of literary sources, preparation of the text of the article.

Nehorosheva S.G. – organization of the survey, characteristics of respondents.

Gorbunova I.A. – database creation.

All authors have read and approved the final manuscript.